

Шри Ауробиндо

Стихотворения 1930 — 1950

Труд Бога

На серебряном небе я предался мечтам,
Средь золота и синевы.
И обнял их нежно, и оставил там,
Мечты, где я и вы.

Я хотел построить радужный мост,
Сочетающий небо с землей,
И семян бесконечности бросил горсть
В этот планетный рой.

Но были слишком ярки небеса,
Их побеги слишком хрупки,
Их свет слишком сильно слепил глаза,
А корни — не глубоки.

Тот, кто небо несет сюда,
Должен сам проторить пути,
И земную природу взвалить на себя,
И дорогой тяжелой идти.

Понукаемый Богом, я низошел
Сюда, на убогую землю,
Где в незнании был человеком возвращен,
Зажатым рождением и смертью.

Копал я долго и глубоко
Средь ужаса грязи и топи
Русло для песни реки золотой,
Огня бессмертного копи.

Я дерзал и страдал, не считая дней,
Чтоб огонь обрел человек,
Но ненависть ада и злоба людей
Мне награда из века в век.

Ибо ум его служит животному "я",
Искушенный приманкой утех,
Он злобного эльфа впустил внутрь себя,
Влюбленного в горе и грех.

Серый эльф ненавидит небесный огонь,
И все, что дано любить,
Лишь наслаждение, злоба и боль
Могут драму его продлить.

Все вокруг — это тьмы фетишизм,
Ибо лампы, что в небе горят,
Есть лишь брошенный мельком на эту жизнь
Звезд настоящих взгляд.

Человек освещен лишь надежды лучом,
Что проходит по грани паденья,
На частичную истину он обречен,
На скитанья и преткновенья.

От Истины истин люди бросаются прочь
И Свет светов отвергают.
К незнания богам обращают свой плач
Иль демона выбирают.

Все, что найдено, нужно вновь отыскать,
И убитых врагов сторожить,
В каждой битве опять и опять побеждать,
И бесплодными жизнями жить.

Ран моих — тысяча и одна,
И цари-титаны вокруг,
Но я должен выпить всю чашу до дна,
Разорвать порочный круг.

Как они потешаются и смеются, черти и люди:
"Химера — твоя надежда
Нам огонь принести на блюде,
Ты упадешь, и гибель твоя неизбежна.

Кто ты, чтобы пророчить небесный покой
И радость, и золота горы
Нам, кто связан железной судьбой,
Скитальцам в невежества море?

Земля эта — наша, и эта Ночь —
Для наших коптящих огней.
Священный твой Свет ей не сможет помочь,
И Бог навредит только ей.

Давайте убьем его — и конец!
Отпустим наши сердца.
От ноши и славы его, наконец,
Избавимся, и от венца!"

Но Бог — там, в этой смертной груди,
Кто борется с ложью и роком,
И строит дорогу в болотной грязи,
Мечтающий о Высоком.

Голос воззвал: "Иди, где никто не ступал,
Рой глубже еще теперь,

Пока не увидишь немой пьедестал.
Стучи в закрытую дверь".

Я видел, что ложь проросла глубоко,
Туда уж пустила корни,
Где серый Сфинкс стережет Бога сон
На простертых крыльях драконьих.

Я оставил поверхность богов ума,
И в жизни моря погрузился,
И тела коснулся, достигнув дна,
И в тайны его углубился.

Я скреб по немому сердцу Земли,
Слыша колокол черной мессы,
Я видел, откуда страданья текли,
С причиною ада вместе.

Надо мною дракона невнятный стон
И скрипучий гоблинов глас,
Я пронзил Пустоту, где Разум рожден,
Я пробрался в бездонный лаз.

На отчаяния лестницу я ступил,
Защищенный покоем безбрежным,
Неся священные Бога огни,
Прямо в людские бездны.

Тот, кто есть я, со мною был все ж,
Сорваны все покровы.
Его голос я слышал и волю нес
На своем челе хладнокровно.

Мост меж бездной и высотой лег,
Золотая вода потекла
Вниз — гор стаял сапфировый лед
И осветил берега.

Сердце мрачной Земли полыхает в огне,
И бессмертные Солнца сияют,
Сквозь чудесный пролом в рожденья стене
Воплощенные духи слетают

Словно вспышки в царство, где Истина правит —
По красному золоту вниз —
Лучезарные дети прекрасного Рая,
Предрекая ночи конец.

Еще немного, и новой жизни дверь
Будет высечена в серебре.
С мозаичным полом, дом из огней
Будет выстроен на Земле.

На серебряном небе я оставлю мечты,
Облаченные в золото и синеву,
И сюда принесу образцом красоты
Живую правду Твою.

Невеста Огня

Невеста Огня, обними меня,
Невеста Огня!
Подобно цветку распускаюсь я
День ото дня.

Света Красота, наполни жизнь мою,
Света Красота!
Я пожертвовал желанье и теперь войти могу
В радости врата.

Образ блаженства предо мной возник,
Образ Любви!
Вижу лишь твой ослепительный лик,
Целую лишь губы твои.

Голос Бесконечности, в сердце вещай,
Голос единства!
Солнце во тьме непрестанно сияй –
Нам не разлиться!

Синяя птица

Я птица Бога в небе голубом,
Божественно чиста
Пою я песню радости о том,
Как жизнь моя проста.

Я словно пламя из земли
Взмываю в небеса,
И в почву скорбную любви
Я сею семена.

Пространство, Время превзойдя,
Машу своим крылом,
Несу блаженство я, паря
В Сияньи золотом.

Могу я видеть все миры,
Порхая там и тут,
И в райских куцах до поры
Я нахожу приют.

Пылает сердце у меня,
Мой ум — сплошной покой,
Восторгом песнь полна моя,
Полет бессмертен мой.

Мать Бога

Сознающая и вечная Сила здесь,
За страданием и смертным рождением,
За ошибкою мысли и долгим скитанием времени —
Мать Бога, Его сестра и жена,
Дочь Его мудрости, силы Его товарищ.
Она вырвалась из груди трансцендентного,
Чтоб создать радугу миров ума и жизни.
Меж сверхсознательным абсолютным Светом
И немислимим трудом Бессознательного,
В суете и рутине материального сна,
В сомнамбулическом вращении звезд,
Она соблазняет холодную, аморфную Пустоту
Приключением жизни, страстной мечтой своего желания.
Здесь она, среди темных сил,
Чтоб устранить зло и ошибку Пространства
И превратить трагедию мира Невежества
В Божественную Комедию радости,
В смех и восторг блаженства Бога.
Мать Бога — владычица наших душ,
Мы — соучастники Его рождения во времени,
Наследники Его вечности.

Остров Солнца

За златыми, за морями,
За серебряной грядой
Я увидел Солнце знания,
Что в ночи горит звездой.

Долы пламенного зренья,
Горы дивной красоты,
Пики огненного счастья,
Воздух редкой чистоты!

В тех морях самозабвенья,
В титанических краях
Я души нашел владенья —
Остров в сказочных Раях.

Вместе с Богом и молчаньем
Он вне времени живет.
Жизнь там — радостная fuga,
Мысль — Истины полет.

Свет, когда я возвратился,
Окружал еще меня —
Я принес бессмертье людям
В эти скорбные края.

Молчание — всё

1

Молчание — всё, мудрецы говорят.
В молчаньи на поступь времени зрят.
В молчания книгу направив взгляд,
Молчание — всё, мудрецы говорят.

2

Что же такое слово, о говорящий?
Что же такое мысль, о зрящий?
Мысль — вино, слово — чаша,
Жизнь — праздничный стол, пьющий — душа наша.

3

Что за вино, о смертный?
Вкушал я его, сидя у Мудрости двери заветной,
Жаждав бессмертного Слова Её, запредельного Света.
Долго напрасно сидел я у Мудрости двери заветной.

4

Как же узнаешь ты Слово пришедшее, о радетель?
Как же увидишь ты Свет ослепительный, о свидетель?
Глас Божий услышав в себе, стану я мудр и мягок.
Светом как дерево соком питаюсь, выпью нектар я, что сладок.

Конец ли это?

Конец ли это? Больше не мечтать,
Не быть, не верить?
Не вспомнить имя, форму не принять —
Конец ли это?

Накрылось тело каменной плитой
Иль пеплом стало,
Ум растворился, мысли позабыв, —
Конец ли это?

Наш краткий век, что был, и нет его,
Страстей горенье
Осмеяны спокойною землёй и солнечным лучом —
Конец ли это?

Стремленья к Божеству взойти и вдохновить
Сердца людские
Обмануты. Мир аду, смерти рад —
Конец ли это?

Умолкла арфа, сломана лежит,
Арфист живой ли?
И если дерево срубили, птица улетит,
И песнь утихнет?

Тот, кто в уме желал и рассуждал,
Судьбу меняя,
Кто в сердце ждал, надеялся, любил —
Тот тоже умер?

Бессмертно Имя в смертном, и оно
Берется Богом,
Что постоянно формы создает
И не закончит,

Пока сияют звезды в небесах,
И сердце ищет —
Душа познает всё, но и тогда
Конца не будет.

Кто ты, пришедший?

Кто ты? Желая, чтоб открыл
Ты Имя тайное.
Глаза, горящие под сенью чёрных крыл,
Подобны пламени.

Ты — солнце, что с величием богов
Во тьме восходит.
Твоих сиянье огненных следов
Из мглы выводит.

Раскрылось сердце, узкие страстей
Сорвав одежды,
Вкусило сладость радости твоей,
Свежо как прежде.

Один день

Немногим боле

День, и всё нерешенное — решено.
День, и всё нерожденное — рождено.
К великой цели маленький шажок,
Божественного целого решающий штришок.

Вершина за вершиною взята, и вот
Последний мрачный пик пред взором предстает —
Скала, что одолеть никто не смог.
Шаг, и разверзлись небеса и Бог.

Карликовый Наполеон

Гитлер, октябрь 1939

Взгляни, по воле фантазирующей Майи
Чудовище внезапно родилось,
Невероятное действительно сбылось —
По мановению ее волшебной длани
Низы верхами стали, малые — большими,
Ничтожество стремится Землю оседлать
Великому колоссу прошлого под стать.
Наполеона ум был быстр, силен, обширен,
А воля динамичная — тверда и неизменна,
Его спокойно было сердце и штормило словно море,
И целый мир в его вмещался кругозоре —
Великое и малое он видел суверенно.
Гигантской широты и глубины движенья
Он постигал и находил им примененье.
А этот подчинен движению иному,
Величия лишен, подобен гному.
Железо и песок — его природный материал,
Болезнен, ограничен ум,
Что полон низких и коварных дум,
Сентиментальный эгоист, что груб и мал,
Что с радостью и светом не знаком,
Безумец буйный, страхами живущий,
Неврастеничный, плачущий, орущий,
Жестокости, животности приплод,
Оратор с резким и скрипучим языком,
Пророк, чья призрачна и мелочна идея,
Роль лидера играет человеческого марша,
Своим могуществом он будущему машет
И мир съедает точно спелый плод —
Под тенью черной Лондон и Корея.
Пред ним народы главы опустили,
Схватил железной хваткой страны страх —
Он требует судьбу земную с пеной на губах.
Пигмеем этим мощь Титана управляет,
Незрелым инструментом страшной Силы,
Что ненавидит духа радость и свободу,
Лишь власти признает природу,
Та Воля, что людей стремится в грязь втоптать,
Железною рукой Землею управлять,
Ему жестоким быть повелевает.
В шаблон единый втискивая ум людской и волю,
Покорно принимающих такую долю,
Она бросает лозунги толпе,
И если овладеет ей вполне,
То снова воцарится Несознанье,
Ее господство приведет к нему,
И человек, что появился как Природы сознающее созданье,

Погрузится в первичную бесчувственную тьму —
Подобно формам, что носили до него венок из лавра,
Он мамонта судьбу разделит или динозавра.
Титана тень, подобно черной мгле,
Лежит на паникой охваченной Земле.
В своем высокогорном доме, движимый фатальным чувством,
Один он слушает тот Голос суверенный,
Диктующий ему свой выбор неизменный —
Прыжок тигриный с демоническим искусством.
Столь мал и человечен рядом с Посетителем ужасным,
Играющим созданием несчастным,
Мученья проводник, а не сосуд счастливый,
Не в силах он снести касанье Силы.
Ведомый Ей, он должен продолжать
Жестоко и нелепо побеждать,
Пока не приведет его злосчастная дорога
К другому демону иль к страшному прикосновенью Бога.

Дети Вотана (1940)

— Когда же конец вашим вооруженным маршам, дети Вотана?
Под вашей пятой Земля содрогается, смерти пламя смеется в ваших глазах.
— Мы видим знамение Тора, мы слышим творения нового молот.
Семя крови упало на землю, крови цветок расцветет в небесах.
Мы адом сделаем Землю и назовем его раем.
Мы сердце людское запорем страданья кнутом.
Мать Бога лежит, обескровлена черным восходом.

— Я слышу, как стонет поверженный мир, дети Вотана.
— Проси горящий вулкан, брани огонь и золу!
Страданье нам силу дает, мученье блаженство нам доставляет.
Мы веселы и безжалостны, боги страшатся нашего нечеловечьего смеха.
Наши сердца героичны и жестки, мы Ориона примерили пояс,
Наша воля как молния, наши дела как львиные когти.
Мы наслаждаемся болью словно мужчина, ласкающий женщину.

— Вы видели вашу судьбу положенной Богом на чашу весов, дети Вотана?
Дракона, что пену взбивает хвостом в далеких морях?
— Мы смеемся над Богом, жрецам мы велели молчать у его алтарей.
Наш лидер — хозяин Судьбы, посредник мистерий ее.
Мы уничтожили ум, и мысль задушили веревкой.
Жалость и слава мертвы, лишь сила Природою правит.
Мы новый порядок устроим, наши бомбы нарушат Вотана покой.

Мы — копьеносцы Судьбы, мы — дети Вотана,
Мы — люди-титаны, мы — сверхчеловеки пророка.
Мы — демона помесь и зверя, и бога всеилья и власти.
Мы родились на закате людей и шествуем в Ночь.
На исчезнувших наций телах, под рев катастрофы грядущей,
Под музыку бомб и осколков, под гул самолетов фатальный,
Мы маршируем, Истину возведя на костер, к сатанинскому веку.

Отчаяние на лестнице

Она на лестнице стоит одна в молчании,
Фигура бесподобного отчаяния.
Великолепного страдания экстаз
Горит в огромности ее прекрасных глаз.
В многозначительности совершенной позы
Я вижу весь комизм ее мистической угрозы.
Она так страстна, грациозна, грандиозна...
Ее мордашка неподвижна и серьезна,
А хвост — трубой, как будто вскинут флаг —
Ее достоинству хвоста неведом взмах.
Животное творение чудесно человечно —
Очарование и волшебство четвероногого предвечно!
Ты дух, иль женщина, иль кошка?
Над этим я задумался, немножко.

Сюрреалист

Я слышал, как барану пел рожок.
Признаться, я слезу сдержать не смог.
Баран тот был на этом берегу.
Я понял, что поймать его могу.
Я прыгнул на него, он прыгнул в море.
Со мной чуть было не случилось горе.
Внезапно снова прозвучал рожок.
В мгновенье ока мой исчез дружок.
Я в лодку влез, и думал, что найду
И покорю полярную звезду.
Но в лодке оказался грозный гусь —
Какой-то идиот подкинул мне сей груз.
Я "кш" не говорил ему,
Но он исчез, не знаю, почему.
Я к берегу пристал, услышав страшный визг,
Потом я осознал — то был мышиный писк.
Встревоженный, залез я в львиную нору.
Три тысячи солдат пустились в ту дыру.
Лев выбежал в открывшуюся дверь
И зарычал угрюмо, лютый зверь.
Тогда смелеть я начал понемногу
И поспешил в медвежью берлогу.
Медведь проснулся. Я решил не ждать —
Надев пижаму, лег в его кровать.
Но скорчил рожу мне тогда медведь,
Я отвернулся — лучше не смотреть.
А ночью спину он царапал мне,
Кричал, что он мне брат и сват жене.
Тогда я понял, лучше мне уйти
И доктора хорошего найти.
Но доктор оказался не лишен коварства,
Мне соль и перец прописав как лучшие лекарства.
Позволил я себе не согласиться,
И мне пришлось, несолоно хлебавши, удалиться.
Решил вернуться я к себе домой,
Застигнутый внезапно жарой.
Затем *горящий* мир *нацистки* пал,
А я повсюду свой костюм искал.
Вдруг пробудившись, лежа на полу
И вора ухвативши за полу.